

Варвара Жданова

«Лебедь белая плывет»

«Сказочное» в творчестве А.С. Пушкина

«Да» и «нет» не говори,
Черный с белым не бери.
Вы поедете на бал?

Игра

«Послал царь за Емельяном.

- Ну, - говорит, - вот тебе мой приказ: построй ты мне новый собор против дворца на площади, чтоб к завтраму к вечеру готово было. Построишь – я тебя награжу, а не построишь – казню».

Л.Н. Толстой «Работник Емельян и пустой барабан»¹

В сказке окружающая героя реальность может разом преобразиться.

Клубок покатится по лесным полянам, чаща расступится, на холме – золотой город...

В сказках равно заявлены темы чуда, волшебного преображения и – упорного труда бедняка.

Тема простого труда в «Сказке о попе и работнике его Балде» развита в произведениях Л.Н. Толстого.

...До светла все у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит ².

Тема нестяжательства, проводимая в «Сказке о попе и работнике его Балде», характерна для русской литературы. Поп жаден, любит наживаться чужим трудом, вот и получает по заслугам.

А Балда приговаривал с укоризной:

Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной³.

В «Сказке о золотом петушке» царь Дадон – старенький, ленивый царек, смешной, важный и приглуповатый. В «царстве-государстве» Дадона и в хозяйстве попа дела идут своим ходом, независимо от нерадивого хозяина, по иным, божьим установлениям.

В «Сказке о золотом петушке» враги со всех сторон осаждают царство. Над государством будто довлеет проклятие и вот-вот, во исполнение старинного пророчества, стрясется беда.

Застонала тяжким стоном

Глубь долин, и сердце гор

Потряслось...⁴

Будто надежда на чудесное избавление и спасение – волшебный дар, Золотой петушок. Если волшебный флюгер пропоет об опасности, нужно готовиться защитить державу.

Встреча Балды с чертями – это едва ли не подвиг, к которому готов работник, занятый повседневным тяжелым трудом.

Появление внука старого беса.

Вынырнул подосланный бесенок,

Замяукал он, как голодный котенок:

«Здравствуй, Балда-мужичок;

Какой тебе надобен оброк?

Об оброке век мы не слыхали,

Не было чертям такой печали.

Вот, море кругом обежавши,

Высунув язык, мордку поднявши,

Прибежал бесенок задыхаясь,

Весь мокрешенек, лапкой утираясь...

Бесенок оторопел,

Хвостик поджал, совсем присмирел...⁵

Подобные образы чертей и чертенят – в стиле народного балагана - встречаем в произведениях Л.Н. Толстого.

Этого бесенка можно представить как «элегантного» маленького бродяжку чаплиновского склада.

На красных лапках гусь тяжелый,

Задумав плыть по лону вод,

Ступает бережно на лед,

Скользит и падает...⁶

«Сказочное» в «Евгении Онегине». Сказочная, обновленная зимняя природа. Как бы, начало сказки.

В одной строфе подряд появляются три возка и три кучера. Крестьянин в санях, плетется его лошадка. Летит по снегу кибитка с ямщиком в красном кушаке. Мальчик-фантазер.

Вот бегают дворовый мальчик,

В салазки жучку посадив,

Себя в коня преобразив;

Шалун уж заморозил пальчик:

Ему и больно и смешно,

А мать грозит ему в окно...⁷

В «Сказке о рыбаке и рыбке» зло, как волной, захлестывает старуху.

Обратимость зла в сказках. Удешаивание сил врага. И – напротив, совсем маленькое, «карманное» зло.

« - Ходят еще и такие слухи, - добавил Кот, - будто вы, если, конечно, захотите, можете превратиться и в совсем крохотных зверей, например в крысу или в мышь. Честно говоря, я думаю, что это невозможно.

- Невозможно? – взревел Людоед. – Так смотри же!

И в тот же миг Людоед как сквозь землю провалился, а на полу забежала мышка. Кот и сам не заметил, как схватил ее и съел».

III. Перро «Кот в сапогах»⁸

И граф уехал... Тем и сказка

Могла бы кончиться, друзья;

Но слова два прибавлю я⁹.

Автор «Графа Нулина» сам уподобил свою историю сказке.

В метафорическом строе проглядывает «сказочное». Влюбленный граф Нулин и Наталья Павловна:

Так иногда лукавый кот,

Жеманный баловень служанки,

За мышью крадется с лежанки:

Украдкой, медленно идет,

Полузажмурясь подступает,

Свернется в ком, хвостом играет,

Разинет когти хитрых лап

И вдруг бедняжку цап-царап¹⁰.

Действительность и литература. Возвышенность «волшебной сказки» и гротеск бытовой сцены.

Роман классический, старинный,

Отменно длинный, длинный, длинный,

Нравоучительный и чинный,

Без романтических затей.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась¹¹.

Линия сказки и шутки в «Пиковой даме».

Томский рассказал свою историю о бабушке-графине, ее пребывании в молодости в Париже при дворе, о тайне трех карт (зная, на какие именно карты следует ставить, можно выиграть огромные деньги).

« - Сказка! – заметил Германн»¹².

Чудесная сказка о нежной красавице и снисходительности черного мага, открывшего ей тайну трех карт.

Графиня проигралась в карты, а муж, всегда робкий и послушный, отказался заплатить долг.

«...Думала усовестить его, снисходительно доказывая, что долг долгу розь и что есть разница между принцем и каретником – Куда! дедушка бунтовал. Нет, да и только! Бабушка не знала, что делать.

С нею был коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного»¹³.

К теме «смешных ужасов». В «Руслане и Людмиле» - о злом волшебнике Черноморе:

Но Черномор уж был известен

И был смешон, а никогда

Со смехом ужас несовместен¹⁴.

Германн не вполне верит в правдивость «анекдота о трех картах», но постепенно загорается мечтой узнать тайну и покорить мир.

Германн неожиданно появляется в комнате старой графини и требует открыть ему три заветные карты.

« - Это была шутка, - сказала она наконец, - клянусь вам! это была шутка»¹⁵.

Германн в сердцах называет графиню «старой ведьмой»¹⁶.

«Сказочное» в образной системе: разбойник (так, ужасаясь, Лиза мысленно называет Германна), старая колдунья, красавица.

Красавица Лиза – одаренная художественным воображением, умница - бедная воспитанница старой графини. В соотношении ее душевных качеств и социальной характеристики есть грустная сказочность, мир Лизы должен волшебным образом преобразиться.

«Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?»¹⁷.

Пышная гостиная и бедная комнатка Лизы, куда она убегает плакать, обиженная пренебрежением большого света.

Будто бы, отменили сказочный бал, и Золушка осталась дома.

«Лизавета Ивановна вошла в капоте и в шляпке.

- Наконец, мать моя! – сказала графиня. – Что за наряды! Зачем это?.. кого прельщать?.. А какова погода? – кажется, ветер.

- Никак нет-с, ваше сиятельство! очень тихо-с! – отвечал камердинер.

- Вы всегда говорите наобум! Отворите форточку. Так и есть: ветер! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поедем: нечего было наряжаться.

«И вот моя жизнь» - подумала Лизавета Ивановна»¹⁸.

Лиза воображает Германна сказочно-романтическим разбойником. О Германне в пушкинской повести:

«Он стоял у самого подъезда, закрыв лицо бобровым воротником: черные глаза его сверкали из-под шляпы»¹⁹.

В опере П.И. Чайковского Герману приданы черты демонического героя романтико-сказочного повествования. Таков объективный взгляд на Германа.

«Чекалинский

Какой он странный человек.

Сурин

Как будто у него на сердце

Злодейств, по крайней мере, три.

Чекалинский

Я слышал, что он очень беден...

Сурин

Да, не богат. Вот он, смотри:

Как демон ада мрачен... бледен...»²⁰.

В эпизодах пушкинской «Пиковой дамы» подчас явственна аура немецкой сказки.

«Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усемерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!»

Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара»²¹.

Страшная немецкая сказка чувствуется в сцене похорон графини. Германн, оступившись, «грянулся об землю» возле гроба». Лиза упала в обморок.

«Этот эпизод возмутил на несколько минут торжественность мрачного обряда. Между посетителями поднялся глухой ропот, а худощавый камергер, близкий родственник покойницы, шепнул на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицер ее побочный сын, на что англичанин отвечал холодно: Oh?»²².

Призрак графини является Германну «шаркая туфлями» (линия «шутки» и «сказки»).

Подобные мотивы немецкой сказки ощутимы в некоторых стихотворениях Пушкина.

«К моей чернильнице» (1821):

Подруга думы праздной
Чернильница моя,
Мой век разнообразный
Тобой украсил я ²³.

«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830):

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня ²⁴.

Литератору «В.С. Филимонову при получении поэмы его «Дурацкий колпак» (1828).

Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком ²⁵.

Германн и Лиза. Сказочная тема внезапного обогащения бедняка, ведущего свою игру и завоевывающего царевну. Козни нечистой силы (чары старой графини).

Простые истины: будь честен, воздержан, трудолюбив.

Опера. Будто трагическая интерпретация истории Золушки.

«Ночь. Зимняя Канавка. В глубине сцены – набережная и Петропавловская крепость, освещенная луной. Под аркой, в темном углу, вся в черном, стоит Лиза.

Лиза

Уж полночь близится, а Германна все нет, все нет...» ²⁶.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет – и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Так оный хитрый кардинал,
Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здоров, и молод стал ²⁷.

Отметим сочетание и взаимопроникновение исторического бытописания и сказочности в поэме «Полтава». Сказка в историческом интерьере, с опорой на исследования Карамзина. Если и сказка, то – страшная и трагическая.

Сюжетно-образная конструкция сказки трагически преломлена в пушкинской «Русалке». Трагедия в декорациях сказки: ветхая мельница на крутом берегу Днепра; княжеский терем; светлица молодой княгини; терем русалок на речном дне.

В «Русалке», как и в опере «Пиковая дама», злой рок довлеет над героями.

В «Русалке» (в «Сказке о мертвой царевне», в «Дубровском» и других пушкинских произведениях) выявим тему взаимозависимости и взаимного обогащающего влияния человека и природы. Тема впоследствии была подхвачена и органично дополнена И.С. Тургеневым.

«Иоанн. Ну, ладно! Потолкует Борис с палачом опосля! *(Якину.)* Почто ты боярыню обидел, смерд?

Якин. Замечательно! Поразительно! Невиданно!.. Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Позвольте представиться: Карп Якин. Двадцать тысяч, а завтра в девять часов утра фабрика подписывает с вами контракт. Ставить буду я. Как ваша фамилия?

[...]

Шпак. Натурально как вы играете! Какой царь типичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. Обокрали меня, Зинаида Михайловна! (Заливается слезами.)»

М.А. Булгаков «Иван Васильевич»²⁸.

В Комедии Булгакова «Иван Васильевич» действие перебрасывается из московской квартиры 1920-х годов в царские палаты Ивана Грозного и – обратно. Выразительно сталкивание элементов сатирического бытописания.

В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Пушкинское стихотворение (1828) в русском стиле «сказочно-исторического» бытописания.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»²⁹

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? – промолвил Олег, -

Скажите, где конь мой ретивый?

Здоров ли? Все так же ль легок его бег?

Все тот же ль он бурный, игривый?»

И внимлет ответу: на холме крутом

Давно уж почил непробудным он сном.

В «Песне о вещем Олеге» (1822) в сказочном антураже заявлена серьезная значительная и современная тема борьбы со злом до конца, до подавления последней попытки агрессии слабеющего, измельчавшего, изживающего себя зла.

Змея таилась между костей мертвого коня Олега. Таким образом, сбылось предсказание кудесника о том, что Олег примет смерть от своего коня.

...Гробовая змея

Шипя между тем выползала;

Как черная лента, вокруг ног обвилась:

И вскрикнул внезапно ужаленный князь ³⁰.

Историческое бытописание и сказка отчетливо проявляются в первых строфах «Руслана и Людмилы».

Начало поэмы - свадебный пир в честь Руслана и Людмилы (так несчастливо окончившийся: волшебник, злой карлик Черномор уносит Людмилу).

Интерьерные этюды замечательны («И звонких гуслей беглый звук») и достигают выразительности кино-эпизодов. Конец первой строфы: ходили слуги с серебряными чашами, «и низко кланялись гостям».

В толпе могучих сыновей,

С друзьями, в гриднице высокой

Владимир-солнце пировал;

Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал ³¹.

Сказка: Руслан едет на коне, на фоне заката солнца:

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленную землей;
Дымятся синие туманы
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан ³².

Волшебный сад Черномора, соловей и розы. Шапка-невидимка, которой завладевает Людмила. Поле битвы: плющ весело вьется по брошенному оружию. Голова старого витязя и Руслан. Источник живой и мертвой воды. Волшебный перстень. Людмила спасена, здорова, она вновь с Русланом.

Хрестоматийное вступление к «Руслану и Людмиле»:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом,
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит ³³.

Отчасти, это и символика порабощения: дуб, как заколдованный, и на нем – золотые оковы. Ученый кот шляется неподалеку, будто собака Мефистофеля.

Призрачное видение. В «Сказке о царе Салтане», подобным образом, выходят из моря (охранять остров Буян) 33 богатыря и дядька Черномор.

Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег печальный и пустой,

И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской...³⁴
Души погибших в битве за Отечество.

О борьбе с самозванцем царя Бориса (Годунова) в пушкинской трагедии:
«Басманов.

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь»³⁵.

Одна из ведущих тем «Бориса Годунова», как исторической трагедии –
противостояние деспотии и черни. Об умонастроении черни, обычае
воспринимать власть (боярин Шуйский – в разговоре с царем):

Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она³⁶.

Сказочность в «Борисе Годунове». Темное злодейство и светлый образ
мальчика-царевича. Изобразительная контрастность.

«Воротынский.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский.

А кто же?

[...]

Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея»³⁷.

Образы детей – в светлом ореоле сказки. Дети Годунова – Феодор и Ксения.
После падения Бориса, добрые души в толпе народа замечают:

«Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке».

«Отец был злодей, а детки невинны»³⁸.

Ученый монах-летописец Пимен, его «правдивые сказанья», способность к
«книжному искусству»³⁹.

«Григорий.

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен.

Да лет семи; ему бы ныне было
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) – он был бы твой ровесник
И царствовал; но бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою...»⁴⁰.

Трагедия отличается от формы сказки, где, как правило, счастливый финал.
Красочное историческое бытописание соотносимо с формой - «сказка
сказывается».

В образе Гришки Отрепьева, отчасти, трагически варьируется сказочный
архетип предприимчивого бедняка, который женится на царевне (здесь –
знатная и гордая полька Марина Мнишек) и затем царствует.

Юродивый Николка, при народе на церковной паперти обличающий
злодейство Бориса – трансформация архетипа Иванушки-дурачка из русской
сказки.

О Гришке Отрепьеве, бежавшем из монастыря в Литву.

«Палата Патриарха. Патриарх, игумен Чудова монастыря.

Патриарх.

И он убежал, отец игумен?

Игумен.

Убежал, святой владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх.

Пострел, окаянный! Да какого он роду?»⁴¹.

Зло захватывает Бориса Годунова. Его личная трагедия – трагедия нечистой совести.

Но Гришка Отрепьев – пустой человек, никакой, ничто – это воплощение зла. Он может быть лишь подобием кого-то, надев маску. Он кривляется и «представляет».

Сказочная реальность «старинных времен» в «Капитанской дочке».

Патриархальный уклад жизни в крепости, почти сказочное благополучие.

Внешняя угроза – пугачевцы.

Комната Маши Мироновой, разграбленная мятежниками:

«...Шкап был разломан и ограблен, лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной, девической кельи? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной»⁴².

В «Медном всаднике» и «Арапе Петра Великого» заявлена тема (едва ли, не сказочная) царя-самодержца, карающего и милующего.

В «Капитанской дочке» Маша Миронова едет в Петербург ко двору, просить за Гринева царицу, в надежде на ее милосердие.

После нежданного разговора с Машей во время прогулки, государыня, как добрая фея из сказки, присылает за ней придворную карету. Царица, как в

волшебной сказке, осыпает Машу благодеяниями и благословляет ее будущий брак с оправданным Гриневым.

Если, в контексте сказки, императрица Екатерина – добрая фея, то Пугачев – злой колдун, страшный разбойник. «Пугачев устремил на меня огненные свои глаза»⁴³.

Савельич – хранитель барского добра, он, а не Гринев, от имени которого формально ведется повествование, как бы, рассказывает сказку.

В «Белой гвардии» Булгакова упоминается, как, будто сказки, детям у изразцовой печи читали про Капитанскую дочку и Наташу Ростову.

Сказка «Жених». Купеческая дочь, умница Наташа изобличает тайного злодея, посватавшегося к ней.

Определенная эмоциональная связь с этой сказкой эпизода «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Увлечение Наташи Ростовой Анатодем Курагиным. Предполагаемый побег с ним при пособничестве Долохова. Долохов, как сказочный тайный злодей, под личиной молодца-жениха, ранее он сватался к Соне.

«Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой – убирает его. Двенадцать братьев приезжают. «Ах, - говорят, - тут был кто-то...»

*А.С. Пушкин. Из записей сказок*⁴⁴.

Дверь тихонько отворилась.

И царевна очутилась

В светлой горнице, кругом

Лавки, крытые ковром,

Под святыми стол дубовый,

Печь с лежанкой изразцовой.

Видит девица, что тут

Люди добрые живут...⁴⁵

Интерьер русского терема. Бытовой реализм волшебной сказки.

Целостна, хоть и неоднородна в эмоционально-художественном плане, композиционная конструкция «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях».

Традиционная атрибутика сказок: царевна – царевич; злая мачеха; три вопроса (солнышку, месяцу и ветру); счастливый финал. Особенно, разговор королевича Елисея с солнцем, месяцем и ветром – динамично выстроенный, с проникновенным чувством, обеспечивает слитность, нерасторжимость сюжетной композиции.

Гармония сосуществования человека и природы.

Уподобление царевны цветку. Казалось бы, просто нежный комплимент. Однако (как и в «Евгении Онегине», где об Ольге говорится: «Цвела как ландыш потаенный»⁴⁶), метафора приобретает новое свежее звучание:

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась – и расцвела...⁴⁷

Картина тоски и уныния:
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля⁴⁸.

Царица-мать, вынашивая ребенка, все смотрит на белый снег, ожидая мужа...
Родилась девочка – красавица, беленькая-беленькая.

Терем семи богатырей находится в лесной чаще. Дом в лесу. Спасаящий, укрывающий лес (тут вспомним повесть «Дубровский»).

И ей зеркальце в ответ:
Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,

У семи богатырей

Та, что все ж тебя милей»⁴⁹.

Волшебное зеркальце царицы-мачехи – как символ совести (как бы, совесть говорит).

Ей в приданое дано

Было зеркальце одно;

Свойство зеркальце имело:

Говорить оно умело⁵⁰.

Чернавка, прислужница царицы-мачехи, отравившая царевну – олицетворение зла. Царевна так правдива и сильна сознанием своей душевной чистоты, что само зло склонно отступить, и только по взбалмошной деятельной глупости гордячки-царицы совершается преступление.

Объемлен образ умного и верного пса Соколки, лающего на Чернавку, старающегося перехватить отравленное яблоко.

Игровая реальность водевиля в «Сказке о мертвой царевне». Будто актер и актриса разыгрывают русскую сказку в водевильном ключе.

Взаимозаменяемость персонажей.

Актер – царь-отец, королевич Елисей, каждый из семи богатырей.

Актриса – царица-мать, новая царица-гордячка, Чернавка, царевна.

Но, едва ли не яснее, проступает реальность символической поэмы с патриотической темой.

«Мертвая» царевна, очнувшаяся от дремы – метафора мнимой гибели России, которая не может погибнуть, обязательно воспрянет.

Подобным образом, хотя лишь в некоторой степени – Царевна Лебедь в «Сказке о царе Салтане» - тоже символ России, а черный коршун – олицетворение внешней угрозы, зловещий Мефистофель.

Елисей обращается к «красну- солнышку». Солнце бывает красным на закате и рассвете. Надежда на мирную счастливую жизнь: над страной когда-нибудь взойдет «красно-солнышко».

...Во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.

Гроб разбивается, царевна оживает, жених выводит ее на свет.
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!⁵¹

Из «Апокалипсиса»:

«И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, жаждущему дам даром от источника воды живой» (Откр 21, 5-6).

В «Руслане и Людмиле» так говорится об источнике живой и мертвой воды:
И в той долине два ключа:
Один течет водой *живою*,
По камням весело журча,
Тот льется *мертвою* водою;
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят...⁵²

Со времен Священного Писания живая вода – метафора любви, мертвая вода – ненависти. Пушкин угадывает и органически воспринимает эти метафоры. Вспомним символику «Бахчисарайского фонтана». Робкая Мария с ее любовью, демоническая Зарема – с ненавистью. В память о христианке Марии хан Гирей воздвиг «фонтан слёз» - будто сказочный источник живой воды.

«Вот тебе, жена, подарочек,
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей,
А что вот тебе другой подарочек,

Трои медвежата по пять рублев».

Незаконченная (в набросках) «Сказка о медведихе». Агрессивная дисгармония мертвого мира. Вражда людей и зверей. Все меряется на деньги, продается и покупается. Чинопочитание – и среди зверей. Нарастает тема расплаты.

В ту пору звери собиралися

К тому ли медведю, к большому боярину... ⁵³

«Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке, наконец море выкинуло их на землю. Сын заметил это. «Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет». Господь благослови тебя, дитятка. Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери вдруг выстроил город и стал в нем жить да править. Едет мимо корабль...»

А.С. Пушкин . Из записей сказок ⁵⁴.

«Сказка о царе Салтане» - дела с молитвой и божьей помощью.

Но из бочки кто их вынет?

Бог неужто их покинет?

Со креста снурок шелковый

Натянул на лук дубовый...

Во вновь возникшем городе:

К ним народ навстречу валит,

Хор церковный бога хвалит... ⁵⁵

В «Руслане и Людмиле» злой волшебник Черномор, пойманный Русланом, приторочен к седлу:

Не смел дышать, не шевелился

И чернокнижным языком

Усердно демонам молился ⁵⁶.

В хрестоматийном стихотворении «Утопленник (простонародная сказка)» мужик, обнаружив мертвое тело, не похоронил утопленника, сотворив молитву и поставив крест над могилой, и с тех пор утопленник раз в год в ночной час «навещает» его, стучась у ворот.

В «Сказке о царе Салтане», выйдя из засмоленной бочки, царица-мать и царевич Гвидон оказываются на фоне сказочного пейзажа, сходного с описанным во вступлении к «Руслану и Людмиле» («Лукоморье»):

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом ⁵⁷.

Возникновение чудесного города, в котором суждено княжить Гвидону. Сверхъестественное поражает человека.

Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? –
Говорит он, - вижу я:
Лебедь тешится моя» ⁵⁸.

Тема столкновения земного разума со сверхъестественным, с чудом.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком ⁵⁹.

Так начинается сказка. Три девицы рассказывают, что бы они сделали хорошего, став царицами, выйдя замуж за царя Салтана, как бы они отблагодарили и прославили царя-государя.

Царь Салтан в сказке – главный волевой вершитель судеб подданных и своей судьбы. Подслушав разговор, он решает, что женится на девушке, обещавшей родить богатыря...

...Узнав из подложного донесения, что, якобы:

Родила царица в ночь

Не то сына, не то дочь;

Не мышонка, не лягушку,

А неведому зверюшку...⁶⁰

Царь загорается гневом, однако, опытный правитель, отлагает решение до своего возвращения в столицу.

Но сверхъестественное заявляет о себе, воля царя Салтана бессильна. Обманом, якобы по царскому приказу, бочку с царицей и новорожденным богатырем бросают плавать по бурному морю...

Тот уж когти распустил,

Клюв кровавый наострил...

Но как раз стрела запела,

В шею коршуна задела –

Коршун в море кровь пролил.

Лук царевич опустил...⁶¹

Представлена символическая картина борьбы за духовное освобождение, против зла. Доброе и злое в душе человека, его борьба за самого себя, за сохранение душевного мира и гармонии.

Прекрасная Царевна Лебедь – почти образ ангела или крылатого серафима из Священного Писания. Лебеди, белые голуби, птицы с прекрасными белыми крыльями. Молитвенное обращение к гармонии природы, против разрушения

основ мироздания человеком, против его разрушительной деятельности, в конечном итоге оборачивающейся саморазрушением.

В пушкинском стихотворном отрывке (1824) возникает как бы эпизод из русской сказки, противопоставляются «черный ворон» - «белая лебедушка».

Как жениться задумал царский арап,

Меж боярынь арап похаживает,

На боярышен арап поглядывает.

Что выбрал арап себе сударушку,

Черный ворон белую лебедушку.

А как он, арап, чернешенек,

А она-то, душа, белешенька ⁶².

Традиционно-сказочные три превращения князя Гвидона.

Хрестоматийный образ: белка, грызущая золотые орешки с изумрудными ядрами – прозрачная метафора научного познания.

В конце сказки зло наказано, добро торжествует, веселый пир.

Чистота и прозрачность мира в «Сказке о царе Салтане». Предметная наполненность. Золото, серебро, пурпур, белый и синий цвета.

Отметим преемственность идей и художественной образности «Сказки о царе Салтане» по отношению к эпизодам «Апокалипсиса» и «Песни песней царя Соломона».

Мать и сын в пушкинской сказке выходят на свет, обновленный радостный божий мир принимает их, страдания отступают навсегда.

«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр 21, 1).

«И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр 21, 4).

Возникновение чудного города на острове Буяне в сказке.

В «Апокалипсисе»:

«И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр 21, 1).

Новый светлый золотой город на горе – «Святой Иерусалим». Городские стены – из драгоценных камней. «Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет» (Откр 21, 25).

Безусловно влияние «Песни песней царя Соломона» на метафорический строй пушкинской «Сказки о царе Салтане».

«Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (Песн 2, 2).

«Кто это восходит от пустыни, опираясь на своего возлюбленного? Под яблоней разбудила я тебя: там родила тебя мать твоя, там родила тебя родительница твоя. Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный» (Песн 8, 5-6).

«Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой...» (Песн 2, 14)

Стремление к счастью – особенно ярко выраженный лейтмотив «Сказки о царе Салтане».

Царица-мать и царевич в засмоленной бочке – метафора замкнутости в своей тоске.

Корабельщики «едут прямо на восток»⁶³ - к солнцу, прямо к счастью.

«Сказка о рыбаке и рыбке». Старик-рыбак отпустил в море попавшую в сети золотую рыбку, он просит «государыню-рыбку» исполнить желания его глупой и злой старухи. Сказовый ритмический строй подразумевает серьезность нравственной проблематики произведения. Просить золотую рыбку исполнить желание – просить о чуде.

Грех стяжательства и неблагодарности, обуявший старуху. Мрачная страсть к почестям и богатству.

Старуха в новой избе; старуха - дворянка в тереме; старуха – царица в богатых хоромах; вновь старуха в землянке...

Может быть, все привиделось старику? Вот опять перед ним ветхая землянка.

До поры рыбка исполняла желания. Наконец, чаша терпения переполнилась: старуха захотела быть владычицей морскою и чтобы рыбка была у нее на посылках.

Очевидно, в сказке варьируется Евангельская тема. «Проходя близ моря Галилейского», Христос говорит рыбакам, закидывающим сети в море: «Идите за Мною и я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4, 19).

Сказка – как в тяжелом окладе.

Море – чуждая стихия, стихия скрывающая.

Рыбка блеснула, ушла вглубь, вновь появилась.

Золотая рыбка – как символ сокровенного знания, мысли, которая должна прийти, посетить прозрением. Вот как оно было! И теперь все преобразится, будет по-новому.

В трагической мозаике-коллаже стихотворения 1921 г. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева сдвигаются временные и пространственные границы и появляется «сказочное», нечто объединяющее разные планы и расцвечивающее произведение яркими красками. Машенька – утерянная невеста героя, ставшего поклонником императрицы. Опустела комната – «светлица» Машеньки. Где она теперь? Автор стихотворения органично воспринимает и интерпретирует сказочность пушкинской «Капитанской дочки», сказочное в образе Маши Мироновой. В финале нарастает христианская тема. Видение Исаакиевского собора и память о Машеньке.

В стихотворении В.В. Набокова «Ульдаборг. Перевод с зоорландского» (1930) в мрачном гротесково-урбанистическом пейзажном наброске столицы тоталитарного государства есть оттенок сказочности (между прочими злодеями узнаем тень советского писателя Аркадия Гайдара):

Хоть бы кто-нибудь песней прославил,
как на площади, пачкая снег,
королевских детей обезглавил
из Торвальта силач-дровосек ⁶⁴.

В пушкинистике отмечено, что образ Шамаханской царицы в «Золотом петушке» создан не без влияния «Песни песней царя Соломона».

Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя ⁶⁵.

«Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами? Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?» (Песн 6, 10-11).

Царь-девица, Шамаханская царица, околдовавшая царя Дадона – властная, лживая, лукавая. Ее шатер стоит среди гор. Ее образ составлен, как бы, из пестрой восточной ветоши, но характер и внешность недостаточно прояснены. Образ-призрак.

Больше всего, представленный образ тяготеет к сказочному типу молодой злой мачехи. Вспомним новую царицу, гордячку-красавицу, решающую извести юную падчерицу, в «Сказке о мертвой царевне». Но что-то есть неотразимо привлекательное.

Обольщенный царь Дадон с Шамаханской царицей въезжает в свою столицу:
Вот – въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы... ⁶⁶

Внезапная смерть царя (петушок клюнул его в темя) и исчезновение лукавой девицы.

В стихотворении Н.С. Гумилева «Я верил, я думал...» (1912) – возможно вариативное воспроизведение линии Шамаханской царицы из пушкинского «Золотого петушка».

Патриотическая тема: звон колокольчика, воспоминание о Родине, сердце бьется вдали от нее.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае...

Колокольчик подвешен на пагоде.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны ⁶⁷.

Начало «Евгения Онегина» отзывается сказкой.

Помирает, как будто, старый бес (дядя Онегина). Онегин – молодой повеса-бесенок попадает уже на похороны и наследует имение. В контексте захватывающе-страшной сказки Татьяне даже глупо спрашивать, кто Онегин – ангел хранитель или коварный искушитель. Он – черт, наскоро загримированный под светского щеголя.

Сказочная тема продолжена в описаниях святочных гаданий и суеверии Татьяны (традиции «Светланы» В.А. Жуковского).

Татьяна видит сон о медведе, преследующем ее в метели.

Страшный медведь, которого нужно расколдовать, полюбив его, и тогда он превратится в доброго молодца – это излюбленный сказочный образ.

«А когда медведь подошел к ним, с него вдруг свалилась медвежья шкура, и перед ними предстал прекрасный юноша в золотой одежде.

- Я королевский сын, - сказал он...»

Братья Гримм «Беляночка и Розочка» ⁶⁸

« - Вы находитесь – спокойно заговорил врач... - не в сумасшедшем доме, а в клинике, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности.

Иван Николаевич покосился недоверчиво, но все же пробурчал:

- Слава те господи! Нашелся наконец один нормальный среди идиотов, из которых первый – балбес и бездарность Сашка!

- Кто этот Сашка-бездарность? – осведомился врач.

- А вот он, Рюхин! – ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина»⁶⁹.

В перепалке Ивана Бездомного и Рюхина узнается противостояние Моцарта и Сальери (варьирование образов пушкинской «Маленькой трагедии» в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова).

В «Мастере и Маргарите» в эпизоде, когда поэт-завистник Рюхин, возвратившись из клиники, стоит перед памятником Пушкину на Страстном бульваре, вспоминает пушкинские строчки и думает: «...Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»⁷⁰ - вступает тема трагической мифологии пушкинской дуэли, тема, с искренней болью, глубоко прочувствованная М.А. Булгаковым.

«Пушкин первый подошел к барьеру и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

- Кажется, у меня раздроблено бедро... <...>

...Он лежал и умер в кабинете, на своем красном диване, подле средних полок с книгами».

*В.В. Вересаев Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников*⁷¹.

Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить – но как раз
Онегин выстрелил... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет,

XXXI

На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку ⁷².

Начало тридцать первой строфы – будто смена кадра, крупный план
Ленского.

В «Сказке о мертвой царевне»:
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закаталися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала... ⁷³

«Сказочное» в стихотворении «Городок» (1815). Счастье мирной тихой жизни в безвестном заштатном городке. Одинокое полусказочное существование. Книги. Любимые писатели, как живые друзья-собеседники.

Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет,
На улице карет не слышит стук докучный,
Здесь грома вовсе нет,
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Тетрадь с ненапечатанными сочинениями, переписанными от руки:
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь ⁷⁴.

Во многих известных произведениях Пушкина, в том числе, в хрестоматийно известных стихотворениях «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»), «Няне» («Подруга дней моих суровых...») представлен маленький освоенный мир внутри большого, раздираемого противоречиями.

Порой, этот мирок оборачивается маленькой тюрьмой. В стихотворном отрывке 1836 г.:

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной

Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой ⁷⁵.

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный
Духом смелый и прямой.

Некоему средневековому рыцарю было видение Святой девы Марии и с тех пор, преисполненный великой любви, он совершал ратные подвиги, потом жил одиноко в своем замке, преданный Ей, но преступно равнодушный к заветам Церкви. И вот он умер, дьявол было хватает его душу...

Но пречистая, конечно,
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего ⁷⁶.

Образно-эмоциональная насыщенность и покров шутки и сказки в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» (1828). Стремление, отнюдь не расшатать основы христианской догматики, а с помощью логических парадоксов, гротеска и шутки обнаружить некую непреложную истину о Христе и Священной истории.

Образы-символы из русских сказок, нашедшие отражение в пушкинском «Лукоморье».

Там, на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...

[...]

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит,
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!⁷⁷

Древние сказочные образы-архетипы: Иван-царевич (Иван-царевич и серый волк), царевна в тереме, сестрица Аленушка и братец Иванушка, гуси-лебеди...

Древние сказочные образы-символы, предмет вожделений сказочных героев: вода живая и мертвая, золотые яблоки, волшебный перстень...

Волшебные образы-символы в сказках Пушкина: поющий флюгер-петушок, золотая рыбка, зеркальце.

В «Пиковой даме» отметим сказочную числовую символику: «Тройка, семерка, туз... Тройка, семерка, дама...»

«3», «7», еще часто встречается «9» - волшебные цифры в сказках.

Три загадки, три задания, три путешествия. Действие раскладывается на эпизоды, кристаллизуется композиционная структура сказки.

В тридевятом царстве-государстве...

Три года там не расцветут
Ни травы, ни цветы,
Чтоб даже землю жгло клеймо
Позорной наготы
Перед лицом святых небес
И звездной чистоты.
[...]
На сердце б лилии взошли,
А розы – на устах.

Что можем знать мы о Христе
И о его путях,
С тех пор как посох стал кустом
У странника в руках?

Ни алых роз, ни белых роз
Не вырастить в тюрьме, -
Там только камни среди стен,
Как в траурной кайме,
Чтоб не могли мы позабыть
О тягостном ярме ⁷⁸.

Христианская тема и сказочная символика в трагической «Балладе
Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда.

« - Умница, душенька! – сказал на это Чичиков. – Скажите, однако ж... -
продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумления к
Маниловым, - в такие лета и уже такие сведения! Я должен вам сказать, что в
этом ребенке будут большие способности.

- О, вы еще не знаете его, - отвечал Манилов, - у него чрезвычайно много
остроумия».

Н.В. Гоголь «Мертвые души» ⁷⁹

В шуточной сентиментальности, с которой в «Мертвых душах» говорится о
маленьких детях Манилова (с дурацкими псевдоклассическими именами
Фемистоклюс и Алкид), есть оттенок сказочной изобразительности. По
сказочному хрупкая семейная идиллия. Этих детей легко представить
слушающими и воспринимающими сказки.

« - Вы читали, баронесса, «Портрет Дориана Грея»?
- Чаво?

- Читали Оскара Уайльда?

- Мы неграмотные».

В рассказах А.Т. Аверченко из сборника «Кипящий котел» запечатлена социо-культурная реальность врангелевского Крыма 1920 г. – ожесточение нравов, деградация... Обрисовывая безрадостные перспективы на будущее, Аверченко прибегает к гротеску.

«...Графиня вошла в бальный сарай – и ропот восхищения пробежал среди блестящих гостей... [...]

Два молодых человека, в изящных фраках, сшитых из мучных мешков, тихо беседовали о графине:

- Да! Отец дает за ней 18 миллионов деньгами, 2 пары шерстяных чулок и флакон из-под французских духов! [...]

- Черт возьми! – вскричал молодой щеголь в рединготе из четырех склеенных номеров вчерашней газеты. – Я, вероятно, еще успею пригласить ее на вальс!..

Он вынул из кармана будильник на дверной цепочке, бросил на него косой взгляд и помчался к графине.

...Граммфон заревел упоительный вальс, танцующие сняли ботинки, чтобы зря не трепать подметок, - и пары, шлепая изящными пятками, закружились...»⁸⁰

Город пышный, город бедный,

Дух неволи, стройный вид.

Свод небес зелено-бледный,

Скука, холод и гранит –

Все же мне вас жаль немножко,

Потому что здесь порой

Ходит маленькая ножка,

Вьется локон золотой ⁸¹.

В пушкинском стихотворном отрывке (1828), как и в «Евгении Онегине» представлен контрастный Петербург. Свой чудесный мир, внутри огромного, холодного.

Бал в «Евгении Онегине» - средоточие счастливых снов, эпицентр счастья. Счастливы приехавшие на бал.

«Как-то раз сын короля решил устроить бал и созвал на него всех знатных людей в королевстве».

Ш. Перро «Золушка»⁸²

Онегин, влюбленный в недоступную петербургскую княгиню, потеряв прежнюю Татьяну, страдая в одиночестве, читает книги и вспоминает сны, приметы, письма и «длинной сказки вздор живой»⁸³.

Книги, романы, как «пустые бредни, небылицы»⁸⁴, сказки - в значении недоверия к правде изложенного. Такого не бывает.

Об отце Татьяны:

Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой⁸⁵.

Татьяна – деревенская барышня, любила страшные сказки.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей

Пленяли больше сердце ей ⁸⁶.

Сказочная красота окрестной природы.

Там соловей, весны любовник,

Всю ночь поет; цветет шиповник,

И слышен говор ключевой, -

Там виден камень гробовой

В тени двух сосен устарелых ⁸⁷.

Грозная символика «Апокалипсиса»:

«И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное»

(Откр 20, 15).

В символистском стихотворении М. Метерлинка (из книги «Теплицы», 1889) явлены преемственное развитие и интерпретация пушкинской сказочной образности, темы Лебеди из «Царя Салтана».

Боже! Боже! на стеблях от лилий

Вырастают странные цветы,

Мерно взмахи серафимских крылий

Движут воду в озере мечты.

И за чашей чаша расцветает

На воде, по знаку, в этот час,

И душа, как лебедь, раскрывает

Крылья белые усталых глаз ⁸⁸.

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 14 т. Т.10. М., 1952. С. 263.

-
- ² Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1981. С. 277-278.
- ³ Там же. С. 291.
- ⁴ Пушкин А.С. Сказка о золотом петушке // Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 3. С. 343.
- ⁵ Пушкин А.С. Сказка о попе и работнике его Балде // Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 3. С. 289-290.
- ⁶ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 4. С. 79.
- ⁷ Там же. С. 85.
- ⁸ Перро Ш. Кот в сапогах / Пересказ Н. Касаткиной // Перро Ш. Волшебные сказки. М., 1985. С. 57-58.
- ⁹ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 3. С. 170.
- ¹⁰ Там же. С. 167.
- ¹¹ Там же. С. 162.
- ¹² Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 5. С. 209.
- ¹³ Там же. С. 208.
- ¹⁴ Там же. Т. 4. С. 34.
- ¹⁵ Там же. Т. 5. С. 221.
- ¹⁶ Там же. С. 222.
- ¹⁷ Там же. С. 213.
- ¹⁸ Там же. С. 213.
- ¹⁹ Там же. С. 214.
- ²⁰ Чайковский М. «Пиковая дама» П.И. Чайковского. Либретто оперы. М., 1956. С. 36-37.
- ²¹ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 5. С. 216.
- ²² Там же. С. 227.
- ²³ Там же. Т. 1. С. 261.
- ²⁴ Там же. Т. 2. С. 189.
- ²⁵ Там же. С. 123.
- ²⁶ «Пиковая дама» П.И. Чайковского. Либретто оперы. Указ. изд. С. 78.
- ²⁷ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 3. С. 200.
- ²⁸ Булгаков М.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1999. С. 219-221.
- ²⁹ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 2. С. 134.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 294, 295.

³¹ Там же. Т. 4. С. 7.

³² Там же. С. 37.

³³ Там же. С. 6.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Т. 4. С. 238.

³⁶ Там же. С. 220.

³⁷ Там же. С. 186.

³⁸ Там же. С. 264.

³⁹ Там же. С. 194.

⁴⁰ Там же. С. 199.

⁴¹ Там же. С. 200.

⁴² Там же. Т. 5. С. 301.

⁴³ Там же. С. 330.

⁴⁴ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 3. Приложение. С. 351.

⁴⁵ Там же. Т. 3. С. 330.

⁴⁶ Там же. Т. 4. С. 37.

⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 327.

⁴⁸ Там же. С. 326.

⁴⁹ Там же. С. 333.

⁵⁰ Там же. С. 327.

⁵¹ Там же. С. 338, 339.

⁵² Там же. Т. 4. С. 68.

⁵³ Там же. Т. 3. С. 293.

⁵⁴ Там же. С. 346.

⁵⁵ Там же. С. 298, 300.

⁵⁶ Там же. Т. 4. С. 58.

⁵⁷ Там же. Т. 3. С. 298.

-
- ⁵⁸ Там же. С. 300.
- ⁵⁹ Там же. С. 295.
- ⁶⁰ Там же. С. 297.
- ⁶¹ Там же. С. 299.
- ⁶² Там же. Т. 2. С. 31.
- ⁶³ Там же. С. 301.
- ⁶⁴ Набоков В.В. Ангелом задетый. Стихи. Вып. 2. М., 1990. С. 52.
- ⁶⁵ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1981. С. 343.
- ⁶⁶ Там же. С. 345.
- ⁶⁷ Гумилев Н.С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1991. С. 168.
- ⁶⁸ Братья Гримм. Сказки. М., 1992. С. 117.
- ⁶⁹ Булгаков М.А. Указ. изд. Т. 9. М., 1999. С. 213.
- ⁷⁰ Там же. С. 218.
- ⁷¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. В 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 381, 406.
- ⁷² Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 4. С. 112.
- ⁷³ Там же. Т. 3. С. 335.
- ⁷⁴ Там же. Т. 1. С. 66, 68-69.
- ⁷⁵ Там же. Т. 2. С. 300.
- ⁷⁶ Там же. С. 150, 152.
- ⁷⁷ Там же. Т. 4. С. 6.
- ⁷⁸ Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы // Уайльд О. Собр. соч.: в 3 т. Спб., 1994. Веер леди Уиндермир. Сказки. Пьесы. С. 310.
- ⁷⁹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1978. С. 29.
- ⁸⁰ Аверченко А.Т. Записки Простодушного. М., 1992. С. 104, 90.
- ⁸¹ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М., 1981. С. 134-135.
- ⁸² Перро Ш. Волшебные сказки. М., 1985. С. 36.
- ⁸³ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 4. С. 156.
- ⁸⁴ Там же. С. 74.
- ⁸⁵ Там же. С. 40.

⁸⁶ Там же. С. 39.

⁸⁷ Там же. С. 121.

⁸⁸ Метерлинк М. Намерения / Пер. В. Брюсова // Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 535.

Примечание. Материал статьи был опубликован издательством LAP Lambert Academic Publishing в составе монографии В.Ждановой «Красное озеро».

